ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.А. Арутюнова*

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО УЗУСА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Политическая коммуникация отличается от других форм социального общения стремлением изменить поведение объекта коммуникации посредством коммуникативного акта. Власть борется за право обладать номинациями и создает в рамках языка дополнительную вербальную знаковую систему, использование которой становится отличительной чертой ее сторонников. В результате в языковой узус привносятся изменения, способные в перспективе войти в норму политического дискурса. Целями статьи являются теоретическое осмысление специфики языкового узуса в российском политическом дискурсе и оценка его практического значения для анализа и прогнозирования параллельных трансформаций лингвистического и идеологического характера в современной России.

Ключевые слова: языковая норма, языковой узус, политическая коммуникация, политические элиты, монолог, диалог, дискурс, номинация, депривация.

Political communication differs from other forms of social communication as its aim is to modify the behavior of the objects through communicative acts. The power elite seek the right to control nominations and to create an additional verbal semiotic system to help identify and solidify its support base. That brings about changes in language usage which may ultimately become the standard. This article provides a theoretical explanation of the particularities of language usage in Russian political discourse. It also has practical utility for studying and forecasting the linguistic and ideological transformations which are occurring simultaneously in contemporary Russia.

Keywords: political communication, language standard, language usage, power elite, monologue, dialogue, nomination, discourse, deprivation.

Коммуникативное значение языкового узуса и языковой нормы

В предметное поле теории политических коммуникаций входит достаточно широкий круг феноменов. Среди задач, стоящих перед исследователями данной области, можно выделить как изучение

* *Арутюнова Марина Араиковна* — ст. преп. кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: woodywilliam@mail.ru).

сугубо утилитарных вопросов, вроде механизмов организации эффективной электоральной коммуникации и формирования политических образов и представлений в ходе избирательных кампаний, так и анализ фундаментальных явлений, наподобие традиционного коммуникативного кода того или иного лингвокультурного сообщества [3] или межцивилизационной коммуникации. Проблема выявления специфики языкового узуса в рамках политического дискурса современной России тяготеет ко второму полюсу данного континуума, хотя ее первоначальный источник следует искать в повседневных языковых практиках.

Традиционно *языковым узусом* (от лат. *usus* — употребление, применение) в теории коммуникации и филологии называют общепринятое среди носителей языка представление об употреблении языковых конструктов (слов, словосочетаний и пр.) и, как следствие, их значении. Границы узуса подвижны, поскольку они меняются вместе с *разговорной речью* (причем не только устной, но и письменной, что стало особенно актуально в связи с появлением сети Интернет и ускоренным формированием в ее рамках новых языковых единиц). Систематически встречающаяся лингвистическая ошибка, вошедший в широкое употребление неологизм или старое слово, используемое в новом значении, становятся частью узуса. Например, в узус одновременно входят такие слова и словосочетания, как «класть» и «ложить», «поехать в метро» и «поехать в метре», «позво́нить» и «позвони́ть», «нет туфель» и «нет туфлей».

Естественно, далеко не все, что входит в узус, относится к *языковой норме*. Понятие нормы гораздо уже понятия узуса, поскольку в него включаются только закрепленные должные способы организации языковых практик, вроде правил словоупотребления, орфографии, грамматики, фонетики и орфоэпии, стилистики текста и иных разделов языкознания. Норма формирует структуру языка, обеспечивает фиксацию должного речевого идеала. Безусловно, в процессе реализации языковых практик норма будет неоднократно нарушаться, а регулярно воспроизводящиеся в узусе языковые феномены могут стать частью нормы, однако происходить это будет только с течением времени, препятствуя тем самым радикальному обновлению или изменению языка не одного поколения. Иными словами, если узус динамичен, то норма статична, поскольку определяет структурный скелет того или иного языка и, соответственно, базовые для него коммуникативные рамки. Связано это с тем, что любое взаимодействие требует наличия некоторой *интерсубъективной знаковой системы*, стандартным примером которой является сам язык.

В определенной степени паре «норма» — «узус» соответствуют категории «парадигма» и «синтагма», предложенные швейцарским

лингвистом Фердинандом де Соссюром. *Язык* — определенная *парадигма*, набор правил речевой организации, находящийся вне времени. *Синтагмами*, напротив, Ф. Соссюр называл конкретные сочетания слов, имеющие протяженность во времени, т.е. саму *речь*. Язык сам по себе пассивен, но именно он определяет, каким образом слова должны сочетаться в речи — моменте активного творения из отдельных слов живой линейной последовательности, способной передать другому определенную информацию. Таким образом, узус фактически тождественен самой речи, поскольку именно в ее рамках он и формируется, однако он был бы невозможен без правил языка — норм.

Возможны два подхода к определению границ языкового узуса. Широкий подход традиционен (он был рассмотрен ранее): в соответствии с ним в узус входят как языковая норма, так и совокупность иных свойственных данному лингвокультурному сообществу практик употребления языка. Узкий подход, на который будет сделан основной акцент при дальнейшем рассмотрении проблемы, предполагает, что в узус входят все существующие на данный момент отклонения от языковой нормы. Этот подход фокусируется на принципиально новых для языка феноменах, не существовавших ранее, но широко употребляемых, что не дает возможности отрицать факт их наличия. В перспективе же набор этих явлений вполне может войти в языковую норму. В политическом дискурсе эта вероятность особенно высока. Объясняется этот феномен особым значением акта политической коммуникации среди иных форм социального общения. Подробному рассмотрению данного вопроса посвящены два следующих раздела статьи.

Монолог и диалог в политической коммуникации

Минимальным достаточным условием реализации любого коммуникативного акта является наличие системы двух элементов, стремящихся войти во взаимодействие. В случае социальной коммуникации такими элементами всегда выступают отдельные люди. Хотя в науках об обществе, в том числе в коммуникативистике, традиционно принято выделять несколько уровней коммуникации[1], необходимо учитывать, что информация в конечном счете всегда усваивается индивидуальным сознанием человека.

[1] Речь идет о межличностной, групповой и массовой коммуникации, различаемых по реципиенту коммуникативного акта: отдельной личности, малой или большой группе (совокупности людей, четко идентифицирующих себя с какой-либо общностью или локализованной во времени и пространстве) либо массе (совокупности людей, не локализованной во времени и пространстве и представляющей общность лишь в смысле доступа к единому для всех каналу информации).

Любая коллективная общность, в том числе группа или масса, не является субъектом действия в строгом смысле слова, поскольку субъектность предполагает момент целеполагания. Эта функция на уровне человека как отдельной биологической системы реализуется в рамках высшей нервной деятельности. В то же время коллектив не имеет функционального аналога коры больших полушарий головного мозга, а потому всегда выступает не субъектом, но объектом внешних воздействий. Повестку дня коллектива формулируют отдельные личности, вроде лидеров общественного мнения, которые в состоянии им управлять или манипулировать, т.е. реализовывать не диалог двух равноправных субъектов, а субъект-объектные отношения. Даже если какое-либо решение принимается коллегиально (например, путем голосования), то оно является лишь количественной констатацией суммы индивидуальных мнений, не становящихся эквивалентом общей воли. В этом смысле сторонники социологического номинализма правы в том, что коллективное сознание не являет собой феномен онтологического порядка.

Вместе с тем коммуникация с другими предполагает, что в индивидуальных сознаниях взаимодействующих индивидов формируются определенные единые для них образы, без которых была бы невозможна сама передача знания и взаимодействие вообще. Наличие таких смежных образов-представлений в современном научном дискурсе обозначается категорией «интерсубъективность». Поэтому, если понимать коллективное сознание не как способность к осмыслению действительности (которой наделен лишь человек как биологический организм с его индивидуальным сознанием), а как совокупность результатов подобного осмысления — *сумму некоторых интерсубъективных образов или представлений*, то можно говорить не только о гносеологическом, но и о подлинном существовании группового и массового сознания.

С учетом данных теоретических оговорок можно выделить три стандартные модели коммуникативного взаимодействия.

1. *Классический диалог* представляет собой модель взаимодействия двух субъектов, каждый из которых попеременно выступает в роли коммуникатора и реципиента. Иными словами, речь идет об общении равноправных языковых личностей, воспринимающих информацию от оппонента, а лишь потом, в зависимости от реакции, вступающих в коммуникацию. Межличностное общение, в том числе в малых группах («коллективах прямого рукопожатия», начиная с семьи и заканчивая небольшим производственным сообществом), чаще всего проходит в форме диалогического взаимодействия. Говорящая сторона имеет возможность высказать свою позицию, услышать мнение другого или других и строить

дальнейшую коммуникацию с учетом реакции на коммуникативный стимул. По большому счету, диалог — первая и древнейшая форма общения: человеческое *сообщество*, т.е. совместное общежитие людей, имеет свои корни в общем для них предмете беседы.

2. *Классический монолог* выступает в двух разновидностях. В первом случае он является отдельно взятой дискретной частью диалога и представляет собой момент реализации речи одним субъектом общения. Прерванный диалог, или коммуникативная неудача, при которой отсутствует реакция на коммуникативный стимул, является частным фактическим случаем монолога, хотя субъективно он и начинался как диалог. Второй случай классического монолога более интересен для изучения. Речь идет об изначальном желании коммуникатора донести свою позицию до реципиента, причем без всякого стремления получить ответную реакцию. Монолог в этом смысле предстает в качестве субъект-объектного общения, при котором реципиент для коммуникатора — не более чем пассивный слушатель. Монолог имеет место в межличностной коммуникации (например, в форме чтения нравоучений старших младшим) наряду с диалогом, однако гораздо чаще он используется в рамках коллективной коммуникации — общении с группами и массами. Лектор на трибуне, актер на сцене, оратор на центральной площади, политик на телеэкране — все они реализуют классический монолог, поскольку изначально, еще до начала речи, не рассчитывают получить четкий ответ своей аудитории. Недовольный ропот или овация зала являются безусловным ответом коллектива на монолог, однако информативность этой реакции ниже, чем в случае диалога. Коммуникация в виде монолога всегда однонаправлена, причем в случае ее групповой и массовой форм непосредственно оценить реакцию на отправляемое коммуникатором сообщение в момент речи принципиально невозможно. Как уже было отмечено, исключением являются выступления перед малыми группами или толпой, когда оратор может уловить настроение среди непосредственно наблюдаемых им людей, а в некоторых случаях даже вступить в подобие диалога с некоторыми из них.

3. *Неклассический монолог* — третий, особый вид коммуникации, представляющий синтез двух классических моделей. По своей форме неклассический монолог — это диалогические взаимодействие: формально есть коммуникатор и реципиент, причем иногда они могут меняться ролями. Однако сущность такого общения не является диалогичной: тот, кто изначально присвоил себе роль коммуникатора, остается таковым до конца и навязывает свою позицию реципиенту, не внимая его ответам и продолжая высказывать свое мнение в неизменном виде. Общение начальника с подчиненными на совещании формально напоминает диалог, но

далеко не всегда является таковым в действительности. Появившаяся в последние годы практика общения главы государства с народом с применением электронных средств массовой информации (телевидения, прямых линий, интернет-блога) формально напоминает диалог, но, опять же, лишь в очень редких случаях становится таковым в действительности, продолжая сохранять однонаправленный характер. По этой же модели построено общение бюрократии и политиков с рядовыми гражданами: даже если политическое решение принимается демократически избранным парламентом по наказам избирателей, то все равно в его обсуждении население не принимает участия и о его принятии узнает последним, в момент публикации.

Все это позволяет говорить о том, что при общении с большими совокупностями людей реализация диалогичных моделей взаимодействия коммуникаторов с реципиентами принципиально невозможна с количественной точки зрения: ведь в многомиллионной стране нельзя вступить в персональное общение с каждым. Следствием этого становится преобладание классического монолога и его суррогатной формы в рамках политической коммуникации.

Присвоение и депривация[2] номинаций как основа политических коммуникаций

В предыдущем разделе были рассмотрены причины, по которым коммуникация с любым коллективом неизбежно теряет черты диалогичности. Вместе с тем субъект-объектное взаимодействие не обязательно имеет для объекта коммуникации какие-либо негативные последствия. Так, диктор новостей или телеведущий тоже осуществляет массовую коммуникацию с некоторой неоднородной и не локализованной в пространстве общностью людей. Но очевидно, что монолог в данном случае носит исключительно информационную или развлекательную функцию, и люди всегда могут выйти из этого взаимодействия. Аналогичным образом доклад на научном конгрессе, являющийся по своей форме монологом, не преследует цели изменить поведение членов научного сообщества.

Однако политика как область действия отличается от всех прочих форм человеческой активности, поскольку связана с функцией реализации политической власти в обществе. Специфика политической коммуникации заключается в том, что в ее основе лежит ярко выраженное или скрытое стремление изменить поведение

[2] Депривация (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение) — лишение коммуникативного значения некоторой языковой единицы.

объекта (реципиента) посредством коммуникативного акта. В контексте же сущностной монологичности любого взаимодействия с коллективной общностью и ее субъект-объектной направленности политическая коммуникация становится ключевой разновидностью коммуникативного взаимодействия в человеческих общежитиях, поскольку во многом нормирует и детерминирует поведение рядовых граждан.

В основе политической коммуникации лежит феномен присвоения и депривации номинаций. Номинация (от лат. *nominatio* — наименование) является одной из основных категорий языкознания, обозначающей процесс и результат соотнесения определенных языковых единиц с конкретными объектами реальности. Одно и то же явление может иметь разнообразные названия и характеристики. События 1917 г. могут именоваться «Великой Октябрьской социалистической революцией» или «большевистским переворотом»; И.В. Сталин может быть охарактеризован как «кровавый тиран» или «эффективный менеджер»; эпоха Л.И. Брежнева — это «застой» или «золотой век благоденствия», а период правления Б.Н. Ельцина — «лихие девяностые» или «эпоха расцвета демократии». В результате властью обладает тот языковой субъект, который вправе осуществлять присвоение номинаций определенным явлениям реальности или же, напротив, удалять (осуществлять депривацию) уже имеющейся номинации.

Борьба за право обладать номинациями всегда идет в узусе языка: новая власть, особенно в случае сомнений в ее легитимности, стремится создать в рамках языка дополнительную вербальную знаковую систему, использование которой станет отличительной чертой ее сторонников. После прихода к власти в России большевиков стал активно формироваться своеобразный социолект («новояз», в терминологии Дж. Оруэлла), в котором понятия «социализм» и «коммунизм» однозначно воспринимались как положительные, в то время как прилагательные «капиталистический» и «буржуазный» носили отрицательный характер. Аналогичным образом со временем участие в вооруженных конфликтах стали именоваться «реализацией интернационального долга», а латентные действия советской власти в контексте «холодной войны» — «борьбой за мир во всем мире». В реальности речь шла об искусственной корректировке значений языковых единиц, замене их смыслового наполнения с учетом политических интересов.

Схема присвоения и депривации номинаций в общем виде выглядит следующим образом:

Новая норма политической коммуникации	→	Языковой узус	→	Языковая норма

Политическая власть с помощью регулярного употребления некоторых инородных для языка понятий и оценок формирует норму политического общения[3], которая влияет на общеязыковой узус, постепенно входя в индивидуальные сознания членов коллективных общностей (групп и масс). Со временем привнесенная извне языковая практика приобретает общеупотребительный характер и уже на уровне лингвокультурного сообщества попадает из языкового узуса в языковую норму. Слово «товарищ» является яркой иллюстрацией перехода в 20-е и 30-е гг. XX в. нормы политического общения в языковую норму русскоязычного лингвокультурного сообщества. До событий 1917 г. функцию вежливого обращения к мужчине выполняла номинация «господин», а слово «товарищ» было специфическим элементом жаргона социалистически-ориентированных профессиональных революционеров. Попадание большевиков в политическую элиту общества привело к тому, что используемый ими в официальных документах и печатных публикациях социолект постепенно стал привычным для граждан новой страны. Со временем естественное и существующее на протяжении веков слово «господин» вышло из оборота, а в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова 1935 г. оно получило пометку «устаревшее». По большому счету, метаморфоза языка произошла за неполные двадцать лет — меньше срока жизни одного поколения. Рассмотренный пример показывает, что коммуникативную функцию обращения могут выполнять различные номинации, причем их идеологическая окраска в контексте политических реалий серьезно разнится.

Аналогично в 90-е гг. XX в. произошло обратное коммуникативно-языковое преобразование. Сейчас слово «товарищ» вместе с фамилией человека продолжают официально употреблять в документах структур, подчиненных Министерству обороны. В документах же иных органов государственной власти используют слово «гражданин» (МВД) или фамилию без обращения (другие ведомства). Что же касается устной речи представителей российской политической элиты и чиновничества, то в ней все чаще звучит слово «господин». Таким образом, употребление слова «товарищ», скорее всего, служит своеобразным коммуникативным маркером, выражающим одобрение советских ценностей. Сама же номинация постепенно выходит из широкого употребления, вновь внедряясь в социолект сторонников социализма, а «господин» возвращается в узус как общеупотребительная категория в функциональном значении обращения к мужчинам.

Ситуация присвоения и депривации номинаций характерна не только для закрытых обществ, вроде бывшего Советского Союза.

[3] Однако пока еще не языкового общения.

Схожие процессы происходят и в иных лингвокультурных сообществах. Так, в 50-е гг. XX в. в США естественным было употребление слова “negro” по отношению к темнокожему населению страны. После начала борьбы национальных меньшинств за гражданские права, принятия законов Линдона Джонсона об отмене сегрегации[4] и появления нового поколения афроамериканцев, с детства наделенных всей полнотой свобод, ситуация резко изменилась. Начиная с 1970-х и 1980-х гг. гораздо более употребительным стало слово “black”, в то время как на использование “negro” был наложен негласный запрет. Политическая воля властной элиты вывела номинацию “negro” из официально-делового стиля речи. Позже оно вышло и из языкового узуса, а затем перестало быть общеязыковой нормой. Процесс замены одной номинации на другую, как в случае со словами «товарищ» и «господин», вновь занял около двадцати лет.

Следует учитывать, что присвоение и депривация номинаций возможны в отношении не только отдельных слов, но и личностей или событий. Так, Л.Д. Троцкий (бесспорный «вождь революции») в 1930-е гг. стал «врагом народа», а упрек в «троцкизме» — самым страшным политическим обвинением. Образ «героя раскулачивания» Павлика Морозова после краха социализма также претерпел изменения и ныне в большей степени является негативным образом предателя. Этот же ряд примеров можно дополнить особым отношением государства к празднованию победы в Великой Отечественной войне: до 1965 г. девятое мая было обычным рабочим днем, однако смена политической власти в стране (в 1964 г. Хрущев был смещен со всех постов) изменила внутриполитические приоритеты и сделала необходимым через двадцать лет вспомнить о знаменательном событии советской истории.

Таким образом, если вернуться к затронутой в конце первого раздела проблеме, можно понять причины, по которым в рамках политической коммуникации процессы обновления и модернизации коммуникативно-языковых практик лингвокультурного сообщества заметно ускоряются. Естественная трансформация языка происходит со сменой нескольких поколений, в условиях же наличия нормы язык может оставаться неизменным сколько угодно долго. В то же время политическая элита общества может директивно определять не только должные нормы поведения, но и определенные наименования некоторых явлений. Так, например, в самом названии «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», учрежденной 15 мая 2009 г. президентским указом [14], заложена задача определения со стороны государства

[4] Речь идет об Акте о гражданских правах, принятом в США в 1964 г.

«истинной» и «сфальсифицированной» истории России, т.е. цель работы с номинациями. Монолог же коммуникатора, обладающего легитимным правом применения насилия, гораздо весомее монолога обычного оратора на трибуне, а потому вводимые в его рамках языковые практики быстрее меняют словоупотребление и языковую норму.

Тенденции развития дискурса российской политической элиты

Повсеместное распространение электронных средств массовой информации расширило границы «общения» власти и общества: наделенный полномочиями коммуникатор имеет возможность в любое время дать информационный повод, который тут же будет передан по каналам телевидения или радио и появится на лентах информационных агентств в сети Интернет. Таким образом, у общества создается ощущение интерактивности взаимодействия: в отличие от советских лидеров, выступавших с обращением к народу в исключительных случаях, постсоветские руководители России постоянно пребывали и пребывают под пристальным вниманием телекамер, а потому кажутся ближе массовой аудитории. В результате образ правителя неизбежно приобретает значительное число «человеческих» черт и характеристик, которых были лишены «вожди» прошлого.

Появление подобного рода коммуникативных практик в политической жизни России восходит к рубежу 80-х и 90-х гг. XX столетия. Обильное наполнение публичной речи первых лиц государства яркими образами и метафорами связано не только с индивидуальными речевыми особенностями, но также со снижением роли института цензуры. В результате любое высказывание политика сразу же становилось достоянием общественности. Наиболее характерными примерами речевой экспрессии подобного рода являются суждения государственных деятелей конца прошлого века, ряд образцов которых представлен далее.

• «Какую степень суверенитета вы считаете возможным *переварить*, такую и *берите*» (позиция Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина относительно парада суверенитетов автономных республик в составе РСФСР, неоднократно высказываемая им в ходе поездки в Татарстан и Башкирию в августе 1990 г.) [1].

• «Нас уже закалила ситуация, мы знаем, “*кто есть ху*” на самом деле» (высказывание Президента СССР М.С. Горбачева в адрес ГКЧП на пресс-конференции по возвращении из Фороса 22 августа 1991 г.) [9].

• «Хотели как *лучше*, а получилось как *всегда*» (комментарий Председателя Правительства России В.С. Черномырдина, касающийся реформы по обмену денежных знаков советского образца, на пресс-конференции 6 августа 1993 г.) [17].

• «С учетом расширения, так сказать, НАТО, движения его на восток... Разве не наш с вами вопрос, не наша с вами ответственность: а как нам дальше быть? Или, я извиняюсь, *зад подставить*, или все-таки как-то обеспечить себе, *понимаешь*, на востоке хорошее прикрытие» (позиция Президента России Б.Н. Ельцина относительно вопроса расширения Организации Североатлантического договора, высказанная в интервью 5 октября 1997 г.) [7].

• «Ни стране, ни россиянам не нужны сегодня ни вотумы доверия и недоверия, ни бесконечная череда выборов и перевыборов, ни политическое противостояние, ни политические амбиции... Ввяжемся в драку — провалим следующие, да и будущие годы. Кому это нужно? У кого руки чешутся? *У кого чешутся — чешите в другом месте*!» (из выступления Председателя Правительства России В.С. Черномырдина в Государственной Думе России 8 октября 1997 г.) [2].

• «Поддержка вас приоритетна, но и с вас мой спрос тоже приоритетен. Вот такая, *понимаешь*, *загогулина* получается» (из речи Президента России Б.Н. Ельцина на церемонии представления офицеров по случаю их назначения на высшие командные должности и присвоения им высших воинских званий 8 октября 1998 г.) [8].

Каждый из этих шести примеров дает иллюстрацию различным типам языковых практик.

В первом случае налицо овеществление Б.Н. Ельциным феномена «суверенитета», которое привело к появлению развернутой метафоры, фиксирующей сходство абстрактного понятия политической независимости с достаточно конкретным явлением — пищей, а процесса ее завоевания — с процессом пищеварения соответственно. В результате кажущаяся поддержка политиком права автономных республик на самоопределение не выглядит безоговорочной. Свобода от Центра, воспринимаемая организаторами «парада суверенитетов» как нечто ценностное, фиксируется в общественном сознании как нечто весьма прозаическое и приземленное. Помимо этого, аллюзия на то, что «переваривание» ранее неведомой «пищи» (особенно такой специфической, как суверенитет) может быть чревато проблемами усвоения, придает фразе Б.Н. Ельцина дополнительный негативный подтекст, незаметный на первый взгляд. В результате отказ от практики заключения федеративных договоров с регионами после принятия Конституции 1993 г. обнажает этот второй и реальный смысл суждения, демон-

стрируя стратегическую неприемлемость для Б.Н. Ельцина отделения автономных республик России и двойственность его позиции в 1990 г. (оправданную для снятия напряжения в отношениях Центра и национальных окраин страны).

Второй пример является образцом *интерлингвистического* концептуального смешения, основанного на игре слов с использованием англоязычного фразеологизма “who is who” («кто есть кто») и созвучной ему совокупности русскоязычных обсценных лексем. Экспрессивность образа, содержащего явные негативные коннотации (с очевидностью обусловленные позицией М.С. Горбачева по отношению к организаторам попытки переворота), дала возможность фразе легко войти в широкий оборот, придав ей в русском языке роль если не идиомы, то по меньшей мере устойчивого фразеологического единства.

Широкая популярность фразы из третьего примера связана с тем, что в ней объединены по меньшей мере три риторические фигуры: умолчание и неполная антитеза, порождающие иронию. Антонимом слова «лучше» в русском языке является слово «хуже», однако умолчание на середине фразы и неожиданное ее завершение словом «всегда» (находящимся в ряду «всегда» — «никогда») придает последнему несвойственное ему отрицательное звучание. Парадоксальность выражения — в сочетании в нем несочетаемого, противоречащего норме русского языка, что могло бы способствовать его забвению. Тем не менее фраза, произнесенная вторым человеком в государстве, стала в разговорном русском языке «крылатой» и употребляется для обозначения действий, предполагающих положительные намерения, но приводящие к негативным последствиям.

В четвертом случае употребление в публичной речи слова, имеющего в большинстве словарей пометку «разговорное» или даже «бранное», однозначно демонстрирует стойкое негативное отношение российского руководства (а не только самого президента страны) к определенным международным процессам того периода, а именно — расширению Североатлантического блока на восток.

Пятый пример содержит не только риторические вопросы и восклицание: несмотря на лексическую и синтаксическую корректность подобной конструкции, ее стилевая составляющая небезупречна, поскольку соответствует разговорной, а не официально-деловой и литературной норме. Тот же факт, что литературная норма не соблюдается представителями высших органов государственной власти даже в рамках соответствующих институтов, ведет к неизбежному ее понижению.

Шестой пример во многом схож с четвертым: употребление разговорного слова «загогулина» в публичной речи необоснованно придает последней статус допустимой в рамках более высоких речевых стилей, что также чревато понижением языковой нормы.

Все эти выражения объединяет одно: высокий статус фигуры коммуникатора и их принадлежность языковому узусу, а не норме. Вне зависимости от того, были ли они высказаны осознанно (как первый или второй пример) или спонтанно (как третий и шестой), их появление (главным образом за счет тиражирования в СМИ) способствовало дополнительной нагрузке на языковую норму со стороны узуса. Представитель властной элиты — больше, чем простой человек: он образец для подражания. Именно поэтому лицо, занимающее высокий пост, должно осознавать, что любое произнесенное или опубликованное им слово неизбежно станет предметом общественного достояния. Освященные авторитетным человеком слова и фразы, особенно непривычные или употребленные в неожиданной ситуации, неизбежно войдут в узус: сначала как «крылатые выражения», а затем как устоявшиеся идиомы, широко используемые в различных контекстах.

В этом заключается главная опасность влияния узуса политической коммуникации на язык. В случае регулярного занижения или недостаточного учета требований литературной нормы представителями властных элит возможны серьезные трансформации узуса лингвокультурного сообщества и снижение общего уровня языковой культуры населения страны. Ярким примером этого является попадание в документы органов государственной власти лексем, характерных для разговорного или публицистического стиля, но ввиду своей экспрессивности неприемлемых для официально-делового общения. Речь идет об участившихся случаях публикаций Государственной Думой России, Министерством иностранных дел и другими государственными структурами таких языковых оборотов, как «очередное бесчеловечное деяние латвийских властей» [4], «правовой беспредел с нацистским душком» [4] или «двойная мораль и хамство — это те же киборги, только внутри людей» [5].

«То, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», а потому следование языковой норме в идеале должно стать имманентным свойством политической коммуникации властных элит с обществом. Любой политик ответственен не только за принятие политических решений, но и за свое поведение на публике, в том числе организацию речевых практик. По большому счету лицо, наделенное властными полномочиями, выступает в роли эталона для общественных масс, и недостаточный учет этого момента вызывает тревогу за общелингвистическую норму.

Практическое значение исследований узуса властных элит

Наблюдение за языковым узусом политической элиты общества открывает как минимум три проблемных поля для теории политических коммуникаций.

Во-первых, словоупотребление наглядно демонстрирует, какого характера идеологемы господствуют в сознании политической элиты.

Во-вторых, открываются богатые возможности для качественного анализа и прогнозирования действий власти, в том случае, если она будет последовательно придерживаться заданных идеологем. Экспрессия, ирония и иные средства языковой выразительности в речи лиц, наделенных властью, становятся индикаторами их политических настроений и дают возможность оценивать вероятности тех или иных сценариев развития политического процесса. Такие фразы, как «Планируем расширять сотрудничество с Украиной, если она не будет тырить у нас газ» [6], в устах главы государства перестают быть простой политической оценкой и становятся руководством к действию. О.Б. Сиротинина верно отмечает, что риторическая грамотность В.В. Путина проявляется прежде всего в эффективном использовании возможностей русского языка, способности согласовывать собственное дискурсивное поведение с действиями партнера по коммуникативному взаимодействию. Народу это нравится, особенно если дело касается существующих в стране проблем. Соответственно, создается образ твердого, но достаточно скромного, умного, прислушивающегося к другим, трезвомыслящего человека, стремящегося не себя показать, а выполнить свой долг президента [10].

И в-третьих, обнаруживаются тенденции трансформаций языка в самое ближайшее время. Последний момент особенно интересен для теории коммуникации: ведь органы государственной власти со статусных позиций выступают авторитетами для общества. Любая языковая практика, реализуемая с подачи представителей властных элит, рассматривается населением как санкционированная и приемлемая для употребления. Если узус (в широком смысле слова) оказывается ниже нормы, общество воспринимает это как сигнал к воспроизводству данного способа коммуникации: вслед за горбачевским *нАчать* привычно стало слышать *прИнять, углУбить, вклЮчить, сОзыв, осУжденный, возбУждено уголовное дело* и др.

Таким образом, если властные элиты в своей речи дают пример заниженного эталона, следствием, соответственно, может стать занижение языкового узуса лингвокультурного сообщества как такового и понижение общеязыковой нормы. Ну а то, какие трансформации языка произойдут в рамках политического дискурса современной России, «вновь покажет ВРЕМЯ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Б.Н. Ельцина на встрече с общественностью Уфы // Советская Башкирия, 14 августа 1990 г.

2. Выступление Председателя Правительства России В.С. Черномырдина в Государственной Думе России 8 октября 1997 г. // Стенограмма заседания Государственной Думы РФ, 8 октября 1997 г. [Электронный ресурс] // База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». URL: http://wbase.duma.gov.ru/steno/ (дата обращения 03.03.2010.)

3. *Гудков Д.Б.* Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 401—419.

4. Заявление официального представителя МИД России от 18 мая 2000 года в связи с преследованиями латвийскими властями ветеранов войны и правоохранительных органов бывшего Союза ССР // Дипломатический вестник. 2000. № 6.

5. К итогам Международной конференции по безопасности в Мюнхене // Информационный бюллетень Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации. 22 февраля 2002 г.

6. *Колесников А.И.* Стриптиза не было. Владимир Путин не поддался на провокацию // Коммерсантъ. 9 июля 2005 г. № 125 (3209).

7. Контекст недели // Итоги. 1997. № 20.

8. Крылатые фразы Бориса Ельцина // Коммерсантъ. 24 апреля 2007 г. № 69.

9. Перестройка дословно: лексикон // Огонек. 29 марта 2010 г. № 12 (5121).

10. *Сиротинина О.Б.* Риторическая грамотность как составляющая речевой и общей грамотности человека // Изв. Саратов. ун-та. 2003. Т. 3. Вып. 2. С. 80—83.

11. *Солганик Г.Я.* Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения. М.: АСТ; Астрель, 2002.

12. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

13. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: АСТ; Астрель, 2001.

14. Указ Президента РФ № 549 от 15 мая 2009 г. «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: http://base.garant.ru/195551/ (дата обращения: 15.03.2010).

15. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. М.: АСТ, 2001.

16. *Хевеши М.А.* Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М.: Международные отношения, 2002.

17. Четыре года на посту премьера // Коммерсантъ. 15 декабря 1996 г. № 214.